

Ксения Гаврильчик

**РЕЦЕПЦИЯ
НАРОДНОГО ПРАЗДНОВАНИЯ МАСЛЕНИЦЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ Б. КУСТОДИЕВА и А. БЛОКА**

Одним из важнейших составляющих культуры любого народа, определяющим его национальную специфику, является народный праздник. Он представляет неотъемлемую часть фольклорного наследия этноса, что

позволяет этому феномену оставаться в поле зрения не только заинтересованных в его изучении лиц (ученых-фольклористов, этнографов, музыковедов), но и мастеров искусства (художников, писателей, композиторов, режиссеров). И все потому, что народный праздник – явление сложное, многогранное, многомерное. По нашему мнению, изучение восприятия подобного явления в разных видах искусства, например в живописи и в литературе, позволит в ином ракурсе увидеть смысловую глубину масленичного комплекса и его высокие генеративные возможности содержательного и эстетического плана.

Предметом рассмотрения в рамках данной работы является рецепция масленичных празднований в творчестве художника Б. Кустодиева и поэта-символиста А. Блока. В качестве объекта изучения были взяты произведения соответствующего содержания: картина «Масленица» (1916) и поэма «Балаганчик» (1906). Критерием для сравнения произведений искусства живописи и литературы послужила общность их содержания, прямо (Б. Кустодиев) либо косвенно (А. Блок) связанного с народным празднованием Масленицы.

Из фольклорных записей и многочисленных исследований мы знаем, что празднование Масленицы в России было одним из самых ярких и красочных событий в году. Этот праздник являлся своеобразным календарным мостиком от зимы к весне и в народном сознании символизировал переход от смерти (зимнего сна природы) к новой жизни (ее возрождению). Масленица отмечалась за семь недель до Пасхи и продолжалась целую неделю, причем каждый ее день был определенным семантическим звеном в динамическом развертывании праздника, что нашло отражение в метаобозначениях: понедельник – «встреча», вторник – «заигрыш», среда – «лакомка», четверг – «разгуляй четверток», пятница – «тещины вечерки», суббота – «золовкины посиделки», воскресенье – «прощеный день». В воскресенье устраивали проводы Масленицы. Молодежь в санях с чучелом Масленицы ездил по деревне с песнями и шумом. А поздно вечером все выезжали на озимь и здесь на приготовленном костре чучело сжигали. Вся неделя именовалась как *«честная, широкая, веселая; боярыня-масленица, госпожа-масленица»* [5, 435–452].

Одним из распространенных увеселений на масленичной неделе как в деревне, так и в городе были специально подготовленные к празднику ледяные горы, а также обязательные катания на лошадях. Главным же развлечением на городских гуляниях были большие театральные балаганы со сценой, занавесом и зрительным залом. Балаганы украшались флагами,

вывесками, картинами, афишами. Перед балаганом сооружался балкон (раус), с которого «дед-раешник» зазывал зрителей на представление. Иногда на раусе разыгрывались отдельные сценки из спектакля или специально подготовленные клоунские интермедии. Во время представлений в зрительном зале шла бойкая торговля семечками, орехами, пряниками и другой едой [4, 12].

Такой знали и любили Масленицу русские художники, композиторы, писатели. В начале XX в. в русском станковом искусстве как никогда ранее была популярна тема празднества, а изображение Масленицы и балагана заняло значительное место в творчестве А. Блока, Вс. Мейерхольда, Н. Римского-Корсакова, И. Стравинского, Б. Кустодиева. Например, последний в 1916–1917 гг. даже создал несколько картин под названием «Масленица», поскольку эта тема стала любимой для художника. Неудивительно, что «Масленица» 1916 г. была признана одной из лучших его работ. В интерпретации Т. Шабалиной на ней изображено следующее: «Мы смотрим на город с горы. Такая высокая точка обзора помогает развернуть перед зрителем широкую панораму пейзажа. По всему горизонту, освещенный закатным солнцем, раскинулся город. К изумрудно-зеленому небу и желто-розовым облакам тянутся голубые и розовые столбы дыма. Снег покрыл крыши домов, деревья, землю. На фоне спокойной жизни природы особенно контрастно выглядят сцены празднования Масленицы, отличающиеся суетливостью и шумом: веселый человеческий муравейник теснится под горой, у карусели, у балагана с забавной вывеской над входом, у стоянки лихачей, у торговых рядов. С горы разбросанные повсюду группы людей кажутся красочными пятнами, а маленькие фигурки резко выделяются темными силуэтами на белом фоне. На первом плане по затвердевшим на морозе сугробам в бешеном беге мчатся сани. Расписные дуги, сбруя с медными бляшками, бородатые ямщики в синих армяках и меховых шапках» [6, 105].

Таково общее впечатление, производимое картиной. По замечанию Н. Докучаевой, изучавшей творчество художника, цвет ассоциируется у Б. Кустодиева с музыкальным звучанием, колорит он называет «оркестром красок». Картины художника «музыкальны», на них часто изображается шарманщик, а в его знаменитых «Масленицах», «Балаганах» и «Праздниках» присутствуют небольшие балаганные оркестры с непременно турецким барабаном, сопровождающие нехитрые театральные представления» [2, 188].

Красочная инструментовка картины своеобразна. Как замечает М. Эткинд, она построена на дерзкой переключке противопоставленных друг другу цветов – синего, красного, зеленого, желтого. Правда, значительную часть композиции заполняют спокойные бледно-розовые и голубые тона, отражающие игру закатного солнца на снежной пелене пейзажа. Но то там, то здесь в эту мягкую гамму врываются желтые и коричнево-красные пятна домов и церквей, синие церковные купола и главки [7, 106].

Как видим, восприятие народного празднования Масленицы у Б. Кустодиева отражает существовавшую в России традицию масленичных гуляний и развлечений. Художник не отходит от реалистической передачи общего настроения веселья и буйства красок, столь характерных для праздника в целом. Автором воспроизведены самые существенные, впечатляющие моменты масленичных гуляний – то, что составляет национальный колорит праздника, то, что художник видел и любил в нем.

Упоминание о балаганах, изображенных на картине Б. Кустодиева, не случайно: одноименное название имеет известная поэма А. Блока. В его «Балаганчике» о праздновании Масленицы прямо не говорится, но сама тема балагана акцентирует внимание читателя именно на зимнем времени происходящих представлений, соотнося их с масленичными гуляниями. Подобный прием был распространен в среде символистов: намек на событие заменял его прямое описание, в центре внимания оказывались лишь фрагменты целого.

Исследователи отмечают, что «Балаганчик» А. Блока стал ядовитой пародией на современных поэту мистиков в литературе, пророчащих близкий конец мира, апокалиптические катаклизмы, на все лады воспевающих смерть. Здесь нет ни радостного мироощущения, ни праздничной приподнятости настроения. Все сумрачно и тягостно. Отношение же А. Блока к балагану амбивалентное: с одной стороны, поэт рассматривает его как низменное и рискованное дурачество, фарс, осмеивающий человеческие ценности; с другой – как театр народа, а народ в представлении поэта – единственная сила, способная преодолеть всеобщее омертвление в обществе. Народ – это сила истории, «гармония», которую А. Блок противопоставляет «хаосу» современной жизни. В народной театральной стихии, считал он, заключены начала правды, созидания; через театр они приходят в мир, и народный актер – их глашатай:

*Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!* [1, 48].

Балаганный театр обладал своеобразным, родным народу языком, в котором были свобода и раскованность, рождавшие возможность импровизации, особой контактности со зрителем, злободневность. Специфика балаганного театра делала возможной ту амбивалентность, которую так мастерски использовал А. Блок, превращавший воспеваемую символистами Смерть («Балаганчик») в девушку из простонародья.

И А. Блок и Б. Кустодиев в совершенстве владели искусством балаганной комедии и знали язык балагана, но их «балаганность» не равнозначна. А. Блок обращается в своем творчестве к европейскому народному театру, тогда как Б. Кустодиев, верный своей русской музе, – к русскому балагану. Поэт вдохновлялся народным итальянским театром масок (Арлекин, Коломбина, Пьеро пришли в поэтику его произведений оттуда).

Балаганный театр находит в творчестве Б. Кустодиева умного и вдумчивого интерпретатора с веселой и жизнерадостной душой. Балаган был народным театром, народной эстрадой и народной трибуной, выражая мысли, надежды, идеалы, эстетические вкусы народа. Поэтому живописец с таким вниманием и интересом изучал и старался понять все, что относилось к зрелищной народной культуре, прежде всего в рамках традиционных народных гуляний и праздников. Его балаган был создан строго по законам народного площадного театра, и, как подчеркивает Н. Докучаева, «художник сумел показать в нем самое ценное, жизнестойкое, художественно-долговечное» [2, 195].

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно сделать следующие выводы:

1. Тема масленичных гуляний и балаганного театра являлась общей для русского искусства начала XX в., но трактовалась она мастерами искусства по-разному: для Б. Кустодиева было важно показать полноценность радостей жизни, яркое проявление которых он нашел в народном празднике; А. Блоку она дала возможность критически осмыслить мироощущение современных ему литературных мистиков.

2. Б. Кустодиев показал масленичный праздник таким, каким он существовал в народном сознании: ярким, радостным, разгульным, полным жизни и со множеством характерных для него деталей; у А. Блока это аллегория, мистическое театральное действие, обращенные к проблемам современной жизни.

3. И Б. Кустодиев и А. Блок передают двойственный характер балаганного театра. Они видят в нем отражение жизни как театра в театре (а жизнь в театре – это театр в жизни).

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Избранное. М., 1979.
2. Докучаева Н. Б. М. Кустодиев. Жизнь и творчество. М., 1991.
3. Лебедева В. Кустодиев. Время. Жизнь. Творчество. Л., 1984.
4. Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922.
5. Некрылова А. Ф. Русский земледельческий календарь. М., 1991.
6. Шабалина Т. Балаган // www.krugosvet.ru/articles/78/1007830/1007830a1.htm
7. Эткиндр М. Б. М. Кустодиев. М.; Л., 1960.